ИЗБОРСКИЙ КЛУБ

Михаил ДЕЛЯГИН

«СЛАВНАЯ

ВЗЛЕТ БРИТАНИИ в мировые лидеры и сохранение её исключительной, глобальной роли (признаком чего служит даже пресловутый Brexit) — урок всемирно-исторического значения.

Эта страна (в отличие, например, от России) никогда не располагала исключительными ресурсами. Уголь был значим, но не более того. Ещё в начале XVIII века она не обладала ни колониальной мощью Испании, ни военной — Франции, ни экономической — Нидерландов; подорванная полувеком революций и войн, политически нестабильная и раздираемая религиозными конфликтами, она была просто бедна. За счёт чего же это островное государство менее чем за век обрело могущество, стало "владычицей морей" и пионером промышленной революции?

Ключевыми факторами успеха Британии стали развитие науки и демократизм власти, позволивший применить ее достижения.

ИСТРЕБЛЕНИЕ ЭЛИТ И ОТКРЫТЫЙ ХАРАКТЕР ИХ ПОПОЛНЕНИЯ

Источник внутренней демократичности власти (не мешавшей абсолютной жестокости к социальным низам) — Война Алой и Белой розы (1455—1487 гг.), вспыхнувшая сразу после поражения Англии в Столетней войне. Беспощадное уничтожение противников привело к тому, что, как во Франции после Ватерлоо, воевать стало некому. Английская аристократия истребила друг друга и разорила страну. Погибли почти все принцы крови обеих боровшихся династий, почти все аристократы, рыцари и служилое сословие в целом. Общее число убитых оценивается в 105 тыс. чел. — около 3,75 % населения Англии.

Богатства истреблённой аристократии и рыцарства достались в основном торговцам (в том числе небольшой части рыцарей, уклонившихся от войны ради выживания и занявшихся торговлей, и разбогатевшим на спекуляциях крестьянам), которые стали покупать дворянские и аристократические титулы. Как писал в 1701 году руководитель английской разведки Даниэль Дефо, автор "Робинзона…" в поэме "Чистопородный англичанин": "Причём тут рыцари — их нет у англичан! Бесстыдством, золотом тут куплен пэров сан!" Эта наиболее умная часть общества (кровопролитная война оказалась мощным инструментом социального отбора) стала опорой династии Тюдоров; нынешняя аристократия — в основном их потомки.

Истребившая сама себя старая феодальная знать не могла противостоять формированию абсолютизма, который был, по сравнению с ней, прогрессивной организацией власти. В результате переход к нему произошёл быстрее и проще, чем во Франции или в Испании. Абсолютизм опирался на мелких и средних дворян (в том числе — бывших торговцев), сражавшихся в войне не за убеждения и даже не против врагов, а за покровительство "своего" лорда-протектора, на место которого после самоистребления феодальной знати пришёл король. Поэтому влияние парламента, большинство в котором составили такие дворяне, снизилось, а власть короля окрепла.

Следствие Войны Алой и Белой розы — развитие такого важного фактора конкурентоспособности, как спецслужбы. "Секретная служба… получила невиданное прежде развитие… Генрих VII Тюдор… чувствовал себя… непрочно на престоле. Чтобы иметь исчерпывающую информацию о… своих врагах, он создал… разведывательную организацию… Люди… на секретной службе… делились на четыре группы. Первая… — секретные агенты, которыми обычно были резиденты (английские дипломаты и купцы1), занимавшие… высокое положение в… стране или области, где они проживали. Ко второй… принадлежали "информаторы" — …люди из низших слоёв общества, нанимаемые для добывания… определённых сведений. Третью… составляли профессиональные разведчики, которым поручалось… следовать за определёнными людьми, выявлять их связи, если нужно — организовывать их похищение. К четвёртой группе относились профессиональные шпионы, …прикрывавшиеся какой-либо респектабельной профессией…, дававшей предлог для переезда… и обеспечивавшей… доступ в круги, которые обладали нужными сведениями"2.

Но главное следствие Войны Алой и Белой розы — жесточайший дефицит элиты в целом, создавший в Англии уникальный социальный механизм: мелкое и среднее сельское дворянство (джентри), в отличие от континентального, было открытым сословием, пополнявшимся из купцов и богатых крестьян. Торговцы, более всех выигравшие от войны, не в порядке исключения и с нарушением правил, а открыто, законно и массово пополняли ряды дворянства.

Таким образом, опираясь на мелкое и среднее дворянство, абсолютизм опирался тем самым и на купцов, и на разбогатевших крестьян, расширив свою социальную базу до непредставимых на континенте масштабов. Это обеспечило внутренний демократизм английской элиты — и, соответственно, её высокую эффективность.

Форсировало это и развитие рынка, так как новое английское дворянство вырастало из него (пусть даже и в форме спекуляций на выморочном послевоенном имуществе) и было вскормлено им, а не враждебно противостояло ему (в отличие от континентального).

При этом, пусть и с кардинальным персональным обновлением, в Англии сохранилась аристократия как социальный механизм — значимый и устойчивый слой, ассоциирующий себя со своей страной, связывающий с ней будущее своих потомков, свободный от изнуряющей и развращающей борьбы за выживание (пусть даже и социальное, а не физическое).

Эти качества превращают аристократию в стратегический фактор конкурентоспособности, единственный социальный механизм, гарантирующий общество от саморазрушения из-за возникновения олигархии с её самоубийственным эгоизмом.

"НОВОЕ ДВОРЯНСТВО" КАК ЛОКОМОТИВ КАПИТАЛИЗМА

Лишённое всякой сдерживающей силы (феодальная аристократия была истреблена, а островное положение и бедность Англии гарантировали от внешнего вторжения), развитие капитализма приобрело зверский характер, форсировав процесс "огораживания". Богатые землевладельцы (те самые "джентри") сгоняли крестьян с земли, превращая её в огороженные пастбища для овец. Продавать шерсть в Нидерланды, а затем на суконные мануфактуры Англии было выгоднее, чем зерно, и "овцы съели людей"; для увеличения масштабов пастбищ крестьян выгоняли и из домов.

Впрочем, зверства "огораживания" сильно преувеличивались, в том числе современниками. После разрухи, вызванной чумой 1348—1349 годов и Войной Алой и Белой розы, Англия лежала в руинах, и ещё в 1520-х годах "земли было больше, чем людей"; общий дефицит земли появился лишь в 1550-е годы: было огорожено (выведено из долевого владения в частную собственность отдельных владельцев) около 45 %. А за весь XVI век огородили ещё не более 2,5 % всех английских земель.

Конечно, болезненность "огораживаний" могла быть качественно усилена тем, что с развитием капитализма им подвергались наиболее плодородные, близкие к рынкам сбыта и населённые земли (так что на этих 2,5 % земель могло собираться 10 % урожая и жить 20 % крестьян, а то и больше). Кроме того, с земель сгоняли незаконно занявших их за годы разрухи, которые возделывали их иногда поколениями, и этих сквоттеров никто не считал.

Ричард III Плантагенет и Генри Тюдор, будущий король Генрих VII, в битве при Босворте 22 августа 1485 года, фактически завершившей Войну Алой и Белой Роз в Англии. (1825). Художник Абрахам КУПЕР.

Однако намного более важным фактором обнищания стал поток серебра после открытия Америки Колумбом, который обесценил его во всей Европе и привёл к "революции цен"3. Так, за 1510—1580-е годы в Англии цены на продовольствие выросли втрое, на ткани — в 2,5 раза, что обогатило торговую буржуазию и "новое дворянство" при разорении крестьян и не занимавшихся спекуляциями или созданием производств землевладельцев, чьи доходы были фиксированы4. Это объясняет то, что земельная собственность "джентри" росла в том числе за счёт собственности крупных лордов, и именно "джентри" стали главными выгодоприобретателями распродажи имущества секуляризованных в XVI веке монастырей.

Таким образом, капитализм развивался не только и не столько через "огораживание", но прежде всего — через "инфляционную революцию", которая разоряла крестьянство.

Когда вызванное этим массовое бродяжничество стало проблемой, за него ввели смертную казнь, обеспечив приток крайне дешёвой рабочей силы на мануфактуры и в поместья "новых дворян", а затем — и на флот, несмотря на его каторжные условия. (Правда, часть бродяг гуманно загнали в работные дома, создав крайне пригодившееся после изобретения паровой машины разделение сложного труда на простейшие операции, но, несмотря на создание первого работного дома в Брайдуэлле ещё в 1556 году, широкое распространение в Англии они получили лишь после 1631 года). Общее число казнённых за бродяжничество в XVI веке оценивается более чем в 160 тыс. чел. — в полтора раза больше числа убитых в Войне Алой и Белой розы.

Длительное беспощадное подавление бедных, истребление асоциальных (не по своей вине) элементов, поощрение и защита богатства стали методами социальной инженерии, сформировавшей английский национальный характер — законопослушный, упорный, патриотичный, гордящийся властью, уважающий права соотечественников и отрицающий права остальных. Этот характер стал самостоятельным фактором конкурентоспособности; применительно к нации он хорошо иллюстрируется притчей об английском газоне, который надо подстригать каждый день 300 лет подряд.

В результате развития капитализма при отсутствии феодальной реакции английское крестьянство было уничтожено как класс, деревня форсированно перешла на капиталистические рельсы, но главное — сложился открытый характер формирования элиты, при котором успешные торговцы и богатые крестьяне становились дворянами. Естественно, по мере их укрепления возник объективный конфликт с абсолютизмом, увенчавшийся Английской революцией 1640—1660-х годов, главной движущей силой которой стало имеющее прочный экономический фундамент "новое дворянство" — "джентри".

БАНКИРСКИЕ ДОМА КАК УСКОРИТЕЛЬ ПРОГРЕССА

"Новое дворянство" вкладывало свои средства не только в Англии, но и за границей, а по-

Из книги «Человечество за порогом: Тёмные века или новый коммунизм?»

Валерий КОРОВИН

СМАРТ-ОЛИГАРХИЯ

Есть ли у российского «большого бизнеса» социальная ответственность?

"В РОССИИ НЕТ ОЛИГАРХОВ", — заявил как-то журналистам пресс-секретарь главы государства Дмитрий Песков. Многие не согласятся, кто-то задумается, но одного несогласия здесь явно недостаточно. Ведь говорится это с такой уверенностью, чувством, верой в собственную правоту, что противоречивое русское сознание уже только поэтому отказывается принимать эту банальную формулу в качестве аксиомы. Так и подмывает провести параллель с небезызвестной фразой Артюра Рембо, поражающей своей простотой и в то же время неким сомнением: "Ад точно внизу". Нельзя не заметить, какая неуверенность подспудно звучит в этом категорическом утверждении. Человек, делающий столь безапелляционные заявления, явно сомневается в этом. А уж наше дело: верить в сказанное или же усомниться вслед за говорящим и попытаться разобраться в глубинных источниках неуверенности, если мы вообще способны позволить себе сомнение.

ФОРМУЛА ВЛАСТИ

Базовую модель структуры любой власти описал ещё греческий философ Аристотель, и с того самого момента ничего, по большому счёту, не изменилось, да и не могло измениться, ведь константными остались цель политики — власть — и законы политики, описывающие достижение и отправление власти. А значит, эта неизменная в своих онтологических основаниях модель всё так же верна. Это вертикальная модель, согласно которой власть спускается сверху, от Бога, вниз — к человеку простому, что предусматривает чёткую иерархию.

Божественное начало предопределяет и характер власти, ориентированной на Бога, и ради него осуществляющей свою земную миссию. Такова власть одного, находящегося на самой вершине человеческой иерархии, власть монарха, Царя, первого молитвенника, созерцающего Бога и реализующего Его волю в человеческое, мирское пространство своих подданных. Власть божьего помазанника — это его земное страдание. Осознавая, взирая на Бога, как и ради чего должен жить человек, осмысляя миссию спасения как единственно возможную, Царь страдает, видя несовершенство того мира, над которым он поставлен божьей волей. Это высшая точка, идеальная, сакральная, согласно Аристотелю, инстанция власти. Если она по каким-то причинам отсутствует, власть спускается сверху на более низкий уровень, где распределяется между несколькими: ограниченной группой избранных властвовать ради достижения той же самой цели — спасения. Но вместо Царя-жреца, молитвенника, помазанника, эту спасительную миссию выполняют лучшие ставленники — аристократия, власть лучших, избранных.

Благородные сыны, ведущие своё происхождение от героев, сами герои, жертвующие собой ради этой священной миссии — спасения народа, заступничества, самопожертвования и героизма. Стоящие выше собственной жизни, над материальным, обращённые к Духу, мотивируемые своим божественным предназначением. Аристократы Духа. Если и эта инстанция тем или иным образом не проявлена, власть спускается дальше вниз, в широкие массы, проявляясь в виде политии — формы общественного управления, в которой, по мнению Аристотеля, правит большинство в интересах общей пользы (коей остаётся всё та же миссия спасения), реализации божественного предназначения, высшей, божественной, идеалистической мотивации — столь же надматериальной и самопожертвенной, но разлитой в среде народа ("лаос"). Такова формула божественной, идеалистической власти: Монарх (или царь-жрец); сообщество героев-аристократов, избранных к высшему служению; или же широкое представительство идеалистов от народа — политии. Такова структура божественной власти, ориентированной вертикально вверх, стоящей под Богом и служащей ему.

ТЁМНАЯ СТОРОНА ВЛАСТИ

Однако здесь, в земных широтах, где присутствует дьявол, возникают издержки этой идеалистической модели. Освобождаясь от сакральности, вынося Бога за скобки бытия, ставя материальное выше духовного, власть сама трансформируется до неузнаваемости, вскрывая свою обратную, тёмную сторону. Монарх как первый молитвенник, уклоняясь от своей божественной миссии, оборачивается тираном. Аристократия, забыв о служении и обращая своё внимание на стяжательство материального, становится олигархией. А полития избранных благочестивых мужей от народа, забыв о подлинных целях своего властного положения, превращается в демократию, а спускаясь ещё ниже, на улицу, в самые низы кричащих масс, — в охлократию, и отправляет свою властную функцию на площадях и майданах.

Такова структура власти, выраженная в своих дуальных парах, в противостоящих друг другу проявлениях: божественных и дьявольских, солнечных и лунных, светлых и тёмных. Тёмная сторона (тирания) противостоит божественному свету Царя, олигархия — аристократии, демократия — политии. Стоит только утратить свет божественного присутствия, как вожделенная народом, Богом данная власть оборачивается своей обратной, тёмной стороной: тиранией, олигархией и демократией.

В ИСТОРИИ РОССИИ были разные этапы, и власть была проявлена во всех описанных обличиях. У власти были святые русские цари-молитвенники и жестокие тираны, нами правили аристократы-герои, жертвовавшие собой ради высших идеалов, и жадные олигархи-хапуги, пустившие страну по ветру. Были периоды правления и политии (вечевого управления), и отчуждённой, скопированной с худших образчиков Запада демократии. Однако нас, сегодняшних, интересует нынешняя модель власти. Кто нами правит, и чего от них ожидать завтра?

ОТСЕКАЯ ЛИШНЕЕ

Конечно, наш народ от того и богоносец, что всегда готов видеть божественное не только там, где оно должно быть, но и там, где оно не всегда есть. Это мы наделяем власть сакральностью, мы верим в её божественность, мы формируем идеалистические архетипы власти, видя Царя в тиране, представляя аристократов на месте олигархов, а в демократии ища признаки политии. И всё же точность диагноза требует от нас холодного рассудка. Попробуем отсечь, отбросить всё, что не имеет отношения ко дню сегодняшнему, оставив то, что представляет из себя нынешняя власть.

Да, мы хотим Царя. Мы рисуем его в своём воображении. А кто-то даже и не хочет, и не рисует, прямо отвергая такой вариант. Но и в одном, и в другом случае, сопоставляя признаки Царя с тем, что мы видим, мы вынуждены признать: это не Царь. Не помазанник, не созидатель Империи спасения, не заступник русских и их веры. Сам он говорит про себя, едва заподозрив, что его принимают не за того: я не царь. А чтобы совсем не осталось никаких иллюзий, называет себя "наёмным менеджером огромной корпорации "Россия"". "Менеджер" — это из риторики гражданского общества, из обезличенных атомарных масс, из низов, менеджер — это не то. А что внизу?

"Полития" означает общину, управляющую своей судьбой, и в качестве коллективного субъекта составляющую большую органическую общность — народ (в понятиях этносоциологии — "лаос"), который всегда есть нечто большее, чем механическая сумма его частей. Да, мы видим себя как русский народ, уходящий корнями в тысячелетнюю историю и готовый породить великих потомков, великие победы и великую Россию. Но нас постоянно успокаивают, одёргивая: вы — население, вы — граждане, электорат, гражданское общество, россияне… расслабьтесь и примите ещё "телевизора". "Россияне, россияне", повторяет электорат, засыпая. И как бы мы ни силились увидеть политически осмысленную общину в качестве субъекта, составляющего русский народ, эта модель не включена в нынешнее политическое устройство.

Но и демократии у нас тоже нет, как бы нас в этом ни заверяли. То есть признаки, атрибуты демократии у нас есть: парламент, партии, процедуры выборов и референдумов, — а самой демократии — нет. "Парламент не место для дискуссий", Россия — не место для партий, а выборов и референдумов у нас уже давно нет. Собственно, тезис об отсутствии демократии даже не требует доказательства. А тот, кто вопреки всему продолжает утверждать, что у нас демократия, тот… представитель "гражданского общества".

Остаётся средний уровень: аристократия или олигархия — вот в чём вопрос?

ГРУБАЯ ОЛИГАРХИЯ

В своё время философ и социолог Вернер Зомбарт очень точно классифицировал любое общество на два типа: героев (община, Gemeinschaft), и торговцев (общество, Gesellschaft). Первые представляют элиту политии, вторые — демократии, являясь правящими структурами сакрального и материалистического социальных типов, соответственно. "Община мыслится органически, как живое существо, которое невозможно расчленить на части без ущерба для его жизни; общество — механически, как аппарат, который можно разобрать и собрать заново", — писал по поводу различий общины и общества другой социолог, Фердинанд Тённис. Соответственно этим типами Зомбарт выделял две разновидности элит: представляющих власть избранного меньшинства, "героев" (Helden) и "торговцев", "торгашей" (Händler), — которые создают два вида общества. Аристократы создают героическое, религиозное, рыцарское общество, устремлённое к спасению. Торгаши, как и следует из самого определения, торговое, контрактное, индивидуалистическое, буржуазное общество, основанное на эксплуатации масс, то есть большинства, ради наживы меньшинства, которое, в свою очередь, и определяется понятием "олигархия".

Глядя на представителей нынешних российских элит, обитателей кооператива "Озеро", министров, сенаторов, депутатов, представителей крупного бизнеса и даже "культуры", всех тех, кто именует себя "друзья путина", очень сложно заподозрить их в героизме и самопожертвовании, в принадлежности к той или иной религиозной общине, в полагании общих интересов выше частных. Напротив, печать наживы, продажи и ликвидности — несмываемая метка, по которой мы определяем представителя класса власти меньшинства. Торгашеского, отчуждённого, эксплуататорского, порождённого вседозволенностью и смиренностью тех, кто пытается разглядеть там, наверху, вожделенные признаки сакральности, веры, доблести, Духа, кто силится увидеть Царя там, где зияет чёрная дыра олигархии.

Ликвидировав страну в 1991-м, мы ликвидировали остатки демократии, демонтировали заодно всё, что напоминало нам самодержавность и консерватизм в уродливой конструкции советской, но всё же Империи, номинально интернационалистской, но всё же русской по духу, сталинской, национал-большевисткой. Грубая олигархия, открыто презирающая не только Россию, но и всё русское в остатках усечённой государственности, ненавидящая народы большого евразийского пространства, но особенно — русский народ, стержень никак не распадающегося на малые осколки европейского формата большого континентального государства-империи, пришла на смену партии. Олигархия — это диагноз постсоветской действительности, это то, что нам осталось от советского эксперимента, от обывательской жажды комфорта и материального благополучия.

БЕЗ ЛЕГИТИМНОСТИ

Да, олигархия пришла к власти законно. Это мы выбрали её, перефразируя Ницше, "Вы и я". И хотя кто-то из нас ещё учился в школе, а кто-то уже стоял на баррикадах 1993, мы вместе хотели чего-то иного, хотя и не понимали чего. "Перемен требовали наши сердца", пока мы демонтировали континентальную сталинскую империю в своём сознании, грезя о благах Запада, об окончании — на любых условиях — холодной войны, о колбасе и шмотках. Мы хотели крепких хозяйственников во власти, заклиная их приход (и они пришли), рынка, частной собственности, "демократии" и её торгового строя. Мы хотели картинку из американского кино о красивой жизни Запада, а получили жёсткую правду его обратной стороны.

Да, олигархи пришли к власти легально, через процедуры выборов и назначений, но они тут же утратили легитимность — незримую поддержку большинства. Они ненавидели всё русское — и противопоставили себя ему. Они ненавидели патриотизм и корни русского консерватизма — и противопоставили себя народу-патриоту. Они откровенно издевались, неприкрыто демонстрировали свою власть и вседозволенность, свою пресыщенность и избыток —и оказались на грани жёсткой расправы. Горячее дыхание русского бунта, как водится, бессмысленного и беспощадного, и холодный взгляд осатанелого от унижений и издевательств русского большинства заставил их вздрогнуть и задуматься о своём будущем. Ещё секунда исторического времени, и их бы начали рвать на куски, колесовать и вздымать на дыбе, сажать на кол и рубить головы. Их разорвали бы всех, без разбора, но, испугавшись, они стали умнее.

Решение было столь же гениальным, сколько и простым. Олигархия стала умнее, поняв, что без легитимации своей власти над таким "неправильным" — не либеральным, не западным, не атомарным, не индивидуалистическим, но общинным — народом им не жить. И если это народ-патриот, то, как бы это ни было омерзительно, надо заставить себя, кривясь, корёжась и извиваясь, ради сохранения денег и спасения своих близких, детей, жён, любовниц, ради зарубежной недвижимости и офшорных счётов, заставить себя говорить патриотические вещи. Воспроизводить "патриотический дискурс", играть на идеалистических чувствах большинства, на имитации консерватизма и традиционных ценностей. Сделать патриотизм неотъемлемой составляющей политических элит. Через слово вворачивать "национальные интересы", через два "православие", через три "державность", через пять "евразийство", ибо только так можно вернуть легитимность масс, народную любовь, пусть и купленную не задорого, только так можно сохраниться.

SMART-ТЕХНОЛОГИИ СИСТЕМЫ

Нынешняя олигархическая Система стала в разы умнее — как вожделенный ей искусственный интеллект, пройдя курс самообучения на пути к вожделенному ею же бессмертию. Политическому бессмертию, ибо, зачем тогда всё, если не останется времени насладиться. Насладиться властью, деньгами, недвижимостью, счетами, любовницами — и пусть это мгновение длится вечно. Но произносить патриотические вещи — этого уже стало явно недостаточно. Ведь каким бы ни был народ идеалистом, а рано или поздно он обнаруживает имитацию, обращая внимание на вседозволенность и безнаказанность тех, кто демонтирует остатки сталинской социальной модели, под футбольный рёв повышая пенсионный возраст, и увеличивая НДС под советский российский гимн, пока все плачут от умиления у телеэкранов. Теперь необходимо убедить массы (а для них это именно массы — механическое, разобщённое множество), окончательно размолотые в социальной мясорубке "гражданского общества", что это их, общества, ценности, и что Система такова, каковы эти самые массы, и что она откликается на их запросы, а что они таковы — Система не виновата.

Либерализм олигархических, ментально принадлежащих Западу элит стал системой координат по умолчанию. У них это называется "отсутствие идеологии", и закреплено в конституции. Общество потребления — это либеральная система социально-политического устройства нынешней РФ. Вы же хотите жить богаче? — спрашивают они, повышая тарифы ЖКХ и вводя новые налоги. Вы хотите комфорта и повышения благосостояния? — задаются они риторическим вопросом, выводя по 70 млрд долларов в год в офшоры на свои личные счета. Тогда поверьте, что нынешняя либерально-олигархическая система — это то, чего вы хотите. Рост экономики, скачок ВВП, благосостояние и развитие — это и есть система ценностей, которую даёт стране значительно поумневшая, куда более гибкая и понимающая, чем в 1990-х, олигархия. Не бесплатно, конечно, и поэтому на офшорных счетах российских элит сегодня сосредоточено 60 процентов ВВП страны, а это практически 1 трлн долларов США или 60 трлн рублей — сообщает некто Незыгарь под трескотню о патриотизме обслуживающего олигархию smart-политического класса.

Олигархическая система есть враг подлинной, глубинной, фундаментальной России, разъедающий её изнутри. Она даёт, казалось бы, все смыслы и интерпретации. Но, когда ты в ней — оглянись. Кого ты видишь? Предпринимателей, учителей, адвокатов, работяг, обычных людей, чей разум занят непрерывным её "вещанием"… Пока они подключены к её "трансляции", умно и по случаю подбирающей приятные обывательскому уху формулы и фразы, до тех пор они часть Системы, они подчинены этой smart-олигархии, и большинство из них не готово признать это. Большинство настолько отравлено ценностями модерна и либерализма, рынка и стяжательства, и так безнадёжно зависимы от нынешней олигархической Системы потребления, что будут драться за неё. В отличие от того же 1993 года, когда они же готовы были драться с ней.

Модерн, подменивший Вечность временем — это вирус, заставляющий разрастаться инстинкт потребления, болезнь, нещадно эксплуатирующая планету, а smart-олигархия — расползающаяся раковая опухоль, её поразившая. Переворот произошёл тогда, когда Система начала думать за нас, подстраиваться под нас, под наши взгляды и предпочтения, искусно имитируя их, внушая нам мысль о том, что она — это и есть мы. Пробудиться и осознать реальность — страшно, но пока мы этого не сделаем, пока не отбросим ценности модерна и либерализма на ментальном уровне, мы будем оставаться лишь топливом вездесущей smart-олигархии.